

Аркадий Гайдар

ЖИЗНЬ НИ ВО ЧТО

ПЕТРОВСКИЙ

Ad Marginem

Аркадий Гайдар

Жизнь ни во что (Лбовщина)

«Ад Маргинем Пресс»

1926

Гайдар А. П.

Жизнь ни во что (Лбовщина) / А. П. Гайдар — «Ад Маргинем Пресс», 1926

ISBN 978-5-91103-118-3

Повесть «Жизнь ни во что (Лбовщина)» – главное пермское произведение Аркадия Гайдара. Впервые напечатанная в нескольких выпусках газеты «Звезда» зимой 1926-го, повесть описывала революционные события 1905–1908 гг.: уличные бои в Мотовилихе, последующую партизанскую войну в прикамских лесах, арест и казнь «полевого командира» восставших, Александра Лбова в Вятке. Первая «профессиональная» вещь Гайдара, написанная по воспоминаниям очевидцев, вызвала широкий резонанс в регионе и послужила началом его писательской карьеры.

ISBN 978-5-91103-118-3

© Гайдар А. П., 1926
© Ад Маргинем Пресс, 1926

Содержание

Часть I	6
О чем ревели гудки Мотовилихинского завода	6
Отчего было скучно Рите Нейберг	10
Тяжелый день титулярного советника Чебутыкина	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Аркадий Гайдар

Жизнь ни во что (Лбовщина)

У Пермских лесов, в зеленом шелесте расцветающих лужаек, над гладкой скатертью хрустящего под лыжами снега, под мерный плеск седоватых волн молчаливой гордой Камы, при ярких солнечных блесках зимних дней и при темных тревожных шорохах летних ночей, охваченных кольцом ингушей и казаков,

БЫЛО ВСЕ ЭТО.

Эта повесть – памяти Александра Лбова, человека, не знающего дороги в новое, но ненавидящего старое, недисциплинированного, невыдержанного, но смелого и гордого бунтовщика, вложившего всю ненависть в холодное дуло своего бессменного маузера, перед которым в течение долгого времени трепетали сторожевые собаки самодержавия.

Памяти «разбойника Лбова» и его товарищей: Демона, Грома, Змея, Фомы, Матроса и многих других, имена которых окутаны уже дымкой легенд по рабочему Уралу.

Памяти тех, которые нападали с криком, умирали со смехом и во время нервных, безрассудно смелых схваток ставили свою собственную

ЖИЗНЬ НИ ВО ЧТО.

Материалы о лбовщине, а именно переписка охранного отделения, жандармского управления и полиции всего Приуральского края, измеряются пудами. Ясно, что после трехнедельного беглого осмотра затрепанных страниц рапортов и донесений я не мог дать исторически точный очерк лбовщины. Да я и не собирался этого делать.

Моя задача была дать для читателей «Звезды» крепко сколоченную, легко читаемую сюжетную повесть и дать почувствовать эпоху и обстановку, в которой работал Лбов.

Все главнейшие факты, отмеченные в повести, – верны, но, конечно, обработаны в соответствии с требованиями фабулы.

Имена главных героев – подлинны. Все остальные нарочно вымышлены, ибо многие из участников лбовщины еще живы, и я не хотел находиться в зависимости от могущих быть замечаний с их стороны по поводу некоторого расхождения повести с массой мелких исторических фактов.

Автор,
1926

Часть I

О чем ревели гудки Мотовилихинского завода

Над рекой, над хмурыми берегами застывшей Камы, в пяти верстах от Перми раскинулся по крутым холмам рабочий поселок – Мотовилиха...

В ночь на 13 декабря 1905 года этот поселок никоим образом не мог числиться входящим в состав Великой Российской империи, ибо за день перед этим он плюнул в лицо этой империи свинцом винтовочных пуль, отгородился от нее баррикадами из выломанных заборов и вывороченных ворот и глядел огоньками раскинувшихся домиков.

Чутко всматривался глазами мерзнувших на перекрестках часовых вниз, в темноту, где черная морозная ночь изменчиво прятала темные папахи казачьего отряда.

Рабочие пушечного завода, разбившись на десятки, заняли холмы, заняли перекрестки изломанных улиц, и всю ночь потрескивали и росли скелеты бесформенных, наспех сколоченных заграждений. И торопливо шныряли бессонные тени восставших в эту сумасшедшую по подъему и по энергии ночь.

У Малой проходной крепко засел десяток эсдеков, на углу Камской выкинули красный флаг эсеры, и в темноте красный флаг казался черным – черным крылом трепыхающей птицы.

А на Висиме, на горе, светились костры, то и дело гулко тюхались сваленные бревна.

На Висиме тоже выростала баррикада, была она тяжела, неуклюжа.

Но крепка и прочна была Висимская баррикада.

– Бросай!.. Раз – бросай!.. Два... Ну, довольно, пока хватит.

Пламя костра, трепыхнувшись от ветра, озарило наваленную груды бревен и лицо высокого черного человека, прислонившегося к одной из вывороченных досок. Человек, видимо, устал возиться с баррикадой, тяжело и часто дыша, он отер рукой мокрый лоб, потом нервно плюнул и подошел к костру.

– Сядь, Сашка, – предложил ему кто-то, – передохни малость, ты ведь, дьявол, еще с самого утра не жрал ничего.

Но черный уставший человек ничего не ответил. Облокотившись на дуло старой берданки, он молча посмотрел вниз, под гору, и процедил негромко, сквозь зубы:

– Сдохнуть мне, если они завтра легко проберутся сюда¹.

В ночь на 13 декабря тревожно пели телеграфные провода Пермь – Петербург.

В ночь на 13 декабря пермский губернатор не спал. В два часа ему доложили, что хорунжий седьмого Уральского полка Астраханкин и мотовилихинский пристав Косовский ожидают его в приемной.

Губернатор вышел. Он был любезней, чем когда-либо, потому что честное имя хорошего губернатора находилось теперь всецело в руках запаянных в погоны офицеров. Он пожал им руки, но не одинаково, чуть-чуть крепче командиру отряда ингушей – хорунжему Астраханкину и чуть-чуть слабей приставу Косовскому, ибо он мало верил в организованность и боеспособность полиции.

¹ Рабочий Лбов Александр Михайлович родился в 1876 году в заводском селении Мотовилиха (ныне район Перми), где и происходят главные события повести. Отличаясь высокой, статной фигурой и могучей силой, Лбов в 22-летнем возрасте был призван на военную службу в Петербург в лейб-гвардии Гренадерский полк, «в роту его императорского величества». Вернувшись в Мотовилиху на завод, бывший гренадер возглавил десяток рабочих-боевиков, сражавшихся в декабре 1905 года на баррикаде, построенной в начале Висимской улицы. (Здесь и далее примечания А. Г. Никитина, печатаются по изданию Аркадий Гайдар. Лесные братья. Ранние приключенческие повести. М., 1987.)

Разговор был короткий и продолжался не более десяти минут, по истечении которых звякнули шпорами каблуки и от крыльца губернаторского дома торопливо умчались санки с рысаками пристава – направо и тени двух всадников – налево.

А с рассветом, застегивая кобуру револьвера и пробуя напоследок эфес шашки, хорунжий Астраханкин встал и, прежде чем подойти к лошади, задержался на минуту, вынул из бокового кармана карточку молоденькой белокурой девочки в пелеринке Петербургского института благородных девиц, вздохнул и положил ее обратно в карман.

Это было как раз в ту самую минуту, когда на той стороне черный человек бросил последнее бревно на баррикаду и сказал громко:

– Кончено, ребята! Ну, теперь пусть идут...

И по рыхлому, рассыпчатому снегу поползли темные точки закутанных в башлыки ингушей.

Молча, без выстрелов, по улицам поселка, по перекресткам, по чердакам, по огородам рассыпались засадами рабочие пушечного завода и ждали.

Но так было не долго. Как раз в тот момент, когда пальцы на «собачках» заряженных винтовок напрягались пружинами, когда стало чересчур уж тихо и чересчур нудно, с хрипом и клочкотом заревели вдруг гудки молчаливо насупившегося завода и над мертвой Камой, над закамским лесом, над взбунтовавшимся поселком понеслись тяжелым и тревожным эхом.

И назло тишине, назло нудному вою гудков, гулко треснул нервной дрожью и рассыпался первый выстрел, его поддержал другой, а в ответ сразу, беспорядочным огнем огрызнулись домишки, чердаки и заборы Мотовилихи...

К вечеру баррикады смолкли, и казаки врывались уже на улицы, и разбитые боевые дружины торопливо разбежались прочь.

В это время у черного человека был распахнут ворот замасленной блузы, и на голове у него не было шапки, и крепкими гайками были стиснуты губы. Он остановился у ворот какой-то хибарки, заложил последний патрон и быстро оглянулся: на пустой улице никого не было. Бешеная усмешка перекосила его крепко завинченные губы, он бросился налево и за углом, почти лицом к лицу, столкнулся с конно-жандармским патрулем.

– Стой! – крикнул один, блеснувши шашкой, – бросай винтовку, чертов сын.

Черный человек грохнул в упор из берданки в нападавшего стражника, огромным прыжком вскочил на забор и крикнул оттуда:

– Ваша взяла покуда, сволочи, но мы еще не кончили!

Пуля взвизгнула над забором и пронеслась мимо, за Каму, потому что человек отпрыгнул и кубарем скатился по крутому склону, по снегу, вниз.

– Вот дьявол, – удивленно проговорил один из стражников, – и как сиганул. Кто это?

Среди обширного списка арестованных по делу «вооруженного восстания в Мотовилихе» не значилось одного из ее деятельных участников – рабочего орудийного цеха Александра Лбова². Несколько раз полиция получала сведения, что он скрывается в Мотовилихе, несколько раз жандармы делали засаду в квартире его жены, но все безрезультатно.

Однажды ночью, когда полицейский офицер постучался в дверь, оттуда раздался выстрел, затем звякнуло вышибленное с рамой окно, и мимо одного из стражников промелькнула тень, которая, невзирая на поднявшуюся стрельбу, скрылась за поворотом.

² «После подавления восстания в Мотовилихинском заводе... несколько главных участников, в том числе Александр Михайлович Лбов, Михаил Стольников, Терентий Абросимов, успели скрыться» – из рапорта пермского губернатора министру внутренних дел (ЦГАОР, ф. 102, ДП 00, 1907, л. 80, ч. 22, л. 22).

Была морозная, туманная ночь, когда по придавленному поселку после восстания гулко ахнуло несколько винтовочных выстрелов. Их тревожное эхо долетело до спящих, и жена одного из рабочих, испуганно вскакивая с кровати, дернула за руку мужа.

– Вставай, Николай, Колька... Да вставай же, черт окаянный, слышь, стреляют.

Тот повернул голову и спросил сонным, бессмысленным голосом:

– Куда?

– Да встань же ты, идол. Почему я знаю, куда? Господи, да что же это такое делается?!

Но выстрелы затакали так тревожно и так близко, что Николай Смирнов вскочил и, поспешно натягивая штаны, проговорил быстро:

– Ворота-то у нас заперты? Сбегай-ка посмотри. Да не зажигай огня, дура, о стражниках, что ли, соскучилась! Постой, дай-ка ключ от шкафа, там у меня бумаги кой-какие, так выбросить в сугроб пока надо, а то не равно, как жандармы.

В темноте ключ никак не попадал в скважину, тем более что рука слегка дрожала. Наконец дверца распахнулась, он только что протянул руку за бумагами, как жена его вскрикнула, а сам он вздрогнул, побледнел и застыл на месте: в окошко кто-то стучал.

– Кто там? – шепотом спросила его жена.

– Не знаю, – ответил Николай, – должно быть, полиция. Нет, это не полиция, – добавил он, вскакивая, – это кто-нибудь из наших.

Стук повторился. Быстрый, но не громкий. В нем была нервная торопливость, но не было властной грубости жандармского кулака.

– Кто здесь? – через окошко спросил Смирнов, вглядываясь в темный силуэт человека. И, не дождавшись ответа, удивленно вскрикнул, бросился в сени и торопливо открыл дверь.

– Чего, черт, долго как канителился? – чуть-чуть прерывающимся от усталости, но спокойным голосом спросил пришедший.

– Лбов! – удивленно крикнул Смирнов. – Александр, язви тебя в душу! Откуда ты взялся?

– После, – махнул рукой тот, – после. – И сам оглянулся, вышел в сени, задвигал чем-то, потом опять вернулся назад.

– Кадушку с капустой к двери придвинь. Запор у тебя плохой, враз сорвать можно. – Потом помолчал и добавил: – Ты сделай себе хороший запор, а то, знаешь, если погибать, так чтобы было за что, а так, из-за ржавого крючка пропадать, не стоит.

Зажгли коптилку, и ее свет озарил угрюмо насупившего лицо Лбова, и ее красные лучи смешались с кровью, расплывшейся по изрезанной стеклом руке, рубиновыми искорками падающей на пол... Но Лбов как бы ничего не чувствовал, он сел у окна и, уставившись в темный угол, долго сидел молча, и только глаза его, при малейшем шорохе быстро поворачиваясь в сторону, тяжелым, долгим взглядом пронизывали темноту.

– Кончено, – сказал он наконец вполголоса и как будто бы чуть-чуть усмехнулся.

– Что кончено? – спросил его Смирнов.

– Все, брат, кончено. И восстание окончено, и моя голова тоже теперь конченная, потому что ворочаться назад поздно, да и охоты никакой нет ворочаться назад. Каждый день гудок, да каждый день станок – и так без начала и без конца.

Он замолчал.

Рассвет не приходил долго. С рассветом в избу пришло еще несколько человек, пришли товарищи, уцелевшие из партийного подполья, пришел и молчаливый Стольников, загнанный, затравленный, разыскиваемый полицией. И долго обсуждали, как быть и что теперь делать.

Было решено – на время горячки отправить пока Лбова и Стольникова в лес, в одну из сторожек верстах в десяти от Мотовилихи.

– В лес так в лес, – усмехнулся Лбов, – а только, я думаю, что теперь уж не на время, а на все время.

– Как так? – спросил кто-то.

– А так.

И он опять усмехнулся. У него была странная, быстрая усмешка: глаза его сразу чуть-чуть щурились, губы плотно, рывком, сжимались, и, прежде чем можно было уловить оттенок выражения его лица, все было на своем месте, и от усмешки не оставалось и следа.

– Слушай, Лбов, – спросил его один из подпольщиков, – скажи по правде, какой партии ты считаешь себя?

– Я за революцию, – коротко ответил он и замолчал.

– Ну мало ли кто за революцию – и большевики, и даже меньшевики, но это же не ответ.

– Я за революцию, – коротко и упрямо повторил он, – за революцию, которую делают силой. И за то, чтобы бить жандармов из маузера и меньше разговаривать... Как это, ты читал мне в книге? – обратился он к одному из рабочих.

– Про что? – спросил тот, не понимая.

– Ну, про эти самые... про рукавицы... и что нельзя делать восстания, не запачкавши их.

– Да не про рукавицы, – поправил тот, – там было написано так: «революцию нельзя делать в белых перчатках».

– Ну вот, – тряхнул головой Лбов, – я за это самое «нельзя». Поняли? – проговорил он, вставая, и рукой, разрисованной узорами запекшейся крови, провел по лбу. – Вот я за это самое, – повторил он резко и точно возражал кому-то. – И если бы все решили заодно, что к чертовой матери нужна жизнь, если все идет не по-нашему... если бы каждый человек, когда видел перед собой стражника, или жандарма, или исправника, то стрелял бы в него, а если стрелять нечем, то бил бы камнем, а если и камня рядом нет, то душил бы руками, то тогда давно конец был бы этому самому... как его. – Он запнулся и сжал губы. Посмотрел на окружающих. – Ну, как же его? – крикнул он и чуть-чуть стукнул прикладом винтовки об пол.

– Капитализму, – подсказал кто-то.

– Капитализму, – повторил Лбов и оборвался. Потом закинул винтовку за плечо и сказал с горечью: – Эх, и отчего это люди такие шкурники? Главное, ведь все равно сдохнешь, ну так сдохни ты хоть за что-нибудь, чем ни за что.

Был рассвет, когда конный разъезд стражников увидел возле того берега Камы быстро скользящие на лыжах две фигуры. Это Лбов и Стольников уходили в лес. Из-за глубокого снега гнаться на конях за беглецами было нельзя. Стражники прокричали, погнались по берегу, дали вдогонку несколько бесцельных выстрелов и успокоились.

Солнце зимними красными лучами прорезало верхушки окаменевшего леса как раз в ту минуту, когда две тени остановились и, обернувшись, посмотрели еще раз назад. Туда, где туманный город и каменные стены, где у каменных стен губернаторский дом с трехцветным флагом, а под трехцветным флагом – казачий хорунжий Астраханкин с карточкой белокурой девицы на груди и с сотней ингушей за собой. Туда, где, скрепленный раззолоченными винтиками чиновничьих пуговиц, улыбался город уютными занавесочками морозных окон.

И две тени молча усмехнулись и исчезли в лесу...

Отчего было скучно Рите Нейберг

На безымянном пальце Риты блестело кольцо – простое кольцо из червонного золота с большой каплей крови, внутри которой светился огонек. Из-за этой рубиновой безделушки Рита уже несколько раз ссорилась с отцом, потому что он считал дурным тоном носить умышленно грубо сработанное кольцо на пальцах двадцатилетней девушки, к тому же только недавно окончившей Петербургский институт.

Пальцы у Риты – тонкие и длинные, а лицо – матовое. Рита умеет замечательно командовать своим лицом. Например, сегодня, когда она вышла к обеду, то отец чуть не вздрогнул, взглянув на ее глаза, и спросил с испугом:

– Что с тобой, моя детка?

Но Рита ничего не ответила. И только тогда, когда он повторил вопрос три раза и покраснел даже от волнения, она проговорила, не глядя ему в глаза, не глядя на стены и вообще никуда не глядя:

– Мне скучно.

– Ну, вот, вот еще, – сразу повеселев, заговорил отец, – как это так, молодой девушке может быть скучно? Послушай, Юрий, – обратился он к вошедшему молодому гвардейцу, своему сыну, – послушай, – и он удивленно и ласково пожал плечами, – ну отчего бы ей могло быть скучно?

– Замуж охота, вот и скучно, – ответит тот. – Тут, папаша, такая пора; я знал одну польку, так она шестнадцати лет...

– Ты дурак, Юрий, и пример у тебя всегда дурацкий, а вдобавок ты имеешь несчастье повторяться по десять раз! – вспыхнула Рита.

Кожа на ее щеках стала еще смуглей, и белые зубы сердито сверкнули через прорез гибких, изломанных стрелочками губ.

К обеду пришел хорунжий Астраханкин, он сел рядом с Ритой и рассказал ей пару забавных анекдотов, смысл которых, кстати сказать, Рита так и не поняла. И потом, очевидно желая сказать ей что-то приятное, наклонившись, на ухо сказал вполголоса:

– Знаете, Рита, когда я на днях вспомнил вас, почти что перед самой перестрелкой с мотовилихинскими бунтовщиками, я вынул вашу карточку и, знаете, что с ней сделал?

– Привязали к темляку вашей шашки? – насмешливо спросила Рита.

– Нет, – он наклонился к ней еще ближе, – я поцеловал ее, и это вдохновило меня.

Но Рита терпеть не могла умышленного подчеркивания интимности, она откинула голову назад и спросила громко, исключительно назло ему:

– А на что тут было вдохновляться? Говорят, у них патронов вовсе не было, а потом стреляли они из каких-то допотопных ружей. И скажите, пожалуйста, – добавила она вдруг резко, – что это за манера таскать карточку на разные жандармские операции?

Астраханкин ничего не ответил, он покраснел и почувствовал, что Рита обращается с ним, как со школьником, медленно повернул голову, положил руку на эфес отделанной серебром кавказской шашки и подумал: что бы такое сделать для того, чтобы заставить Риту увидеть в нем хорунжего седьмого Уральского полка, а не гимназиста последнего класса? Он откашлянулся, собираясь сказать что-нибудь умное, но по какой-то странной случайности умного в голову, как назло, ничего не приходило, а все лезла одна ерунда.

Но его выручил молодой гвардеец, который, прожевывая кусок ростбифа, спросил его:

– А скажите, у казачьего седла стремяна на два или на три пальца подаются вперед?

– На два, на два, – ответил тот, довольный, что нашел тему для интересного разговора. – Но у меня, например, на три – это красивей. Конечно, тут большую роль играет, насколько подтянут джигитник, и потом, если кобыла, например, жеребая...

Рита гневно взглянула на хорунжего и встала. Она ушла к себе в комнату и попробовала читать новый роман, который вчера горячо расхваливала ей кузина. Но с первых же строк роман оскалился игриво-слащавой улыбкой и на вторую минуту, отброшенный с силой, полетел в угол.

Рита подвинула к себе местную газету, где бросилось ей в глаза объявление о том, что «молодой человек, холостой, ищет место управляющего».

«Боже мой, как все скучно, – подумала Рита, – неужели же нет ничего нового?...»

Она уже собралась закрыть газету, как взгляд ее упал на маленькую, короткую заметку, в ней говорилось, что на днях жандармы обстреляли двух неизвестных, которым удалось все же скрыться на лыжах в лесу.

Рита зажмурила глаза, не закрыла, а именно зажмурила и представила себе холодный, шелковый пух снега, окаменевшие вместе с тишиной деревья и две тени, беззвучно и легко скользящие по снегу, – вот где, должно быть, дышать хорошо. Воздух такой морозный, тихий. Рита вдохнула в себя, и в голову ей ударил запах пряно-мускатных духов, она сверкнула глазами и увидела перед собой Юрия и Астраханкина.

– Кто вам позволил приходить сюда не постучавшись? – рассерженно спросила она.

– Не горячись, сестрица, – лениво перебил ее гвардеец, – мы пришли спросить тебя, будешь ты сегодня на балу у прокурора?

– Нет, не буду, – ответила Рита, быстро соскакивая с дивана, – и вообще... – окидывая обоих недовольным взглядом, она добавила: – И вообще, отстаньте вы от меня.

Она повернулась и хотела выйти, и вдруг мягкая улыбка скользнула по ее лицу, она посмотрела на Астраханкина и сказала ему капризно:

– Знаете что, я хочу, чтобы вы достали лыжи: и мне, и себе, и ему. Ни за чем. Хочу, вот и все. Мы будем кататься.

Астраханкин, обрадованный таким счастливым оборотом дела, щелкнул каблуками, рассыпаясь весь в звонах кинжала, шашки, шпор, и сказал, изгибаясь:

– Ваше желанье – для меня закон.

Когда они вышли, Рита уселась на диван, и в глаза ей опять попала та же коротенькая заметка. Она повернула голову к стеклу и долго смотрела на причудливые узоры замерзшего окошка. И по какой-то неведомой ассоциации ей вспомнились почему-то сначала гладкий, намаженный пробор гвардейца, потом эффектные, но истасканные фразы хорунжего Астраханкина, потом сумрачно-седой, молчаливый до тайны закамский лес и две темные, куда-то и зачем-то убегающие тени.

И в первый раз за весь день Рите Нейберг стало по-настоящему скучно.

Тяжелый день титулярного советника Чебутыкина

Это был замечательный день. На продолжении тридцати пяти лет жизни у служащего пермского почтамта титулярного советника Феофана Никифоровича Чебутыкина не было такого яркого и насыщенного всевозможными событиями дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.